

ПРИЕМНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ

КАК ФОРМА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАТРОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В АВТОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ

БАЛИНТ МАДЬЯР, БАЛИНТ МАДЛОВИЧ

*В издательстве НЛО готовится к выходу книга **Балинта Мадьяра и Балинта Мадловича** «Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура» (перевод с английского Ю. Игнатъевой).*

В книге представлена единая упорядоченная структура, описывающая политические, экономические и общественные феномены, присущие посткоммунистическим режимам. Уделяя особое внимание странам Центральной Европы, постсоветскому региону и Китаю, это исследование предлагает набор понятий и теорий для анализа акторов, институтов и динамики посткоммунистических демократий, автократий и диктатур.

Авторы рассматривают структурные принципы развития посткоммунистических режимов; типологию государств в контексте таких понятий как неформальность и патронализм; типологию акторов в политической, рыночной и общинной сферах деятельности; способы, с помощью которых автократы нейтрализуют институты демократического публичного обсуждения (СМИ, выборы и т.д.); цветные революции и защитные механизмы демократии и автократии; эволюцию коррупции и механизмы «реляционной экономики»; Китай как «диктатуру, использующую рынок»; социологию «клиентарного общества»; спрос и предложение на рынке идеологии; популизм и разницу между западными популистами и популистами из посткоммунистических стран; а также структуру для моделирования траекторий шести типов режимов.

«Эта амбициозная книга предлагает для описания политических режимов, возникших после коммунизма, не только улучшенный вокабуляр, но и совершенно новую грамматику. Показывая, как привычные системы координат постоянно вводят в заблуждение, Мадьяр и Мадлович демонстрируют потенциал своей новаторской теории, позволяющей по-новому взглянуть на политическую жизнь в посткоммунистическом мире и, несомненно, за его пределами», - пишет Генри Хейл, профессор политологии и международных отношений, Университет Джорджа Вашингтона.

Публикуем фрагмент из книги.

ПОЧЕМУ ПРИЕМНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ — ЭТО НЕ КЛАСС

Чтобы рассмотреть понятие «класс», можно обратиться к марксистской традиции либо к веберовскому определению класса из его знаменитого исследования «Класс, статус и партия». В обеих традициях самой главной характерной особенностью класса является то, что это фундаментально экономический феномен, поэтому и общность интересов внутри групп, и различия в интересах между группами определяются разделением труда и капиталистическим способом производства. Именно этот аргумент подталкивает многих исследователей к тому, чтобы интерпретировать класс как исходное понятие для определения приемной политической семьи, члены которой также связаны исключительно на экономической основе. Однако патрональная сеть в посткоммунистической однопирамидальной системе **не может быть описана как класс, потому что приемная политическая семья** обладает следующими специфическими свойствами:

- **Она не является экономическим в своей основе феноменом.** Хейл отмечает, что под патрональной политикой подразумевается «политика в таких обществах, где индивиды воплощают свои политические и экономические устремления через персонализированный обмен благами, а также наказания, осуществляемые через цепочки действительных знакомств, а не при помощи таких категорий, как экономический класс»¹. Таким образом, патронализм является продуктом культуры и политических амбиций, тогда как главный двигатель экономического и социального неравенства в пользу патрональной элиты — это дискреционное государственное вмешательство. В отличие от патронализма, класс появился в результате капиталистической деятельности или безличных рыночных сил (следовательно, является фундаментально экономическим феноменом). В патрональных автократиях вовсе не класс капиталистов или предприниматели, подчиняющиеся законам рынка, используют государство. Все происходит как раз наоборот: именно политическое предприятие превращается

в бизнес, а верховный патрон распоряжается государством, использует его ресурсы для вознаграждения и наказания, а также для подчинения себе олигархов;

- **Она на политической (патрональной) основе подчиняет себе и экономических акторов с похожим классовым статусом.** Верховный патрон часто атакует богатых капиталистов, то есть людей с похожим классовым статусом в том смысле, что у них столько же производственной собственности, сколько и у приемной политической семьи. Отсюда следует, что расхождения между элитными группами возникают не по экономическому, а по политическому принципу, поскольку жертвами приемной политической семьи становятся те, кто отказываются попадать в патрональную зависимость, включаться в ближний круг, или проявлять лояльность. При этом олигархов и подставных лиц нельзя назвать «капиталистами», поскольку они не могут использовать свой капитал без позволения верховного патрона;

- **Ее сплоченность основана не на классовом сознании или идентичности, а на персональной лояльности.** Как пишут Пакульски и Уотерс, в классовой теории «принадлежность [классу] также имеет причинно-следственную связь с сознанием, идентичностью и деятельностью за пределами сферы экономического производства. Она влияет на политические взгляды, стиль жизни [...], брачные стратегии, включенность в трудовые династии [...] и так далее»². В свою очередь приемной политической семье свойственен культурный уклад патриархальных семей, прежде всего в плане патриархального господства верховного патрона. Поэтому при условии, что все члены семьи отвечают критерию личной лояльности (а также способны понимать и выполнять неформальные приказы)³, они могут быть сколь угодно разными с точки зрения культуры и образа жизни, если последние не связаны с их (неформальным) статусом внутри приемной политической семьи;

- **Ей свойственны вертикальные иерархические, а не горизонтальные связи между членами.** Из марксистского и веберовского классового анализа следует, что неравенство возможностей

возникает между классами, а не внутри них. Таким образом, класс идеального типа состоит из людей, которые связаны только горизонтально и не включены в цепочки подчинения (а вертикальные отношения возникают, только когда эти люди вступают в формальную организацию, например, партию). Между тем, как мы отмечали в Главе 2, приемная политическая семья — это патрональная сеть, состоящая из (неформальных) иерархических цепочек;

- **Она не связывает людей с одинаковым экономическим статусом в капиталистическом обществе правового равенства.** Поскольку класс — это фундаментально экономический феномен, это также и рыночный феномен, а классовые различия предполагают наличие неравенства в плане владения собственностью (особенно производственной). Однако рыночное неравенство не предполагает неравенства перед законом. В свою очередь приемная политическая семья смешивает сферы социального действия, а богатство ее членов является следствием того, что правовая система поставлена на службу их интересов. В такой системе дискреционное вмешательство государства подрывает нормативный статус правового равенства, а законы произвольно приспособляются для конкретных индивидов и бизнесов.

ПОЧЕМУ ПРИЕМНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ — ЭТО НЕ ФЕОДАЛЬНАЯ ЭЛИТА

Проводя исторические аналогии, можно сказать, что основанием для выбора **феодалных элит** в качестве исходного понятия для концептуализации приемной политической семьи являются присущие таким элитам патронализм или вассальная зависимость, то есть «постоянное служение и подчинение одному хозяину»⁴. В феодальную эпоху отношения типа «хозяин-раб» обычно существовали между королем (землевладельцем и т. п.) и его подданными. Непотизм, важность двора и преобладание единоличной власти в правящей иерархии часто используются как дополнительные основания для сравнения приемной политической семьи с феодальным строем. Однако при феодализ-

ме права и обязанности, причитающиеся различным рангам, закреплялись законом, как это было в царской России, которую чаще всего используют в качестве примера феодального государства, сравнивая ее с государствами посткоммунистического региона⁵. Соответственно, патрональная сеть в посткоммунистической однопиримидальной системе **не похожа на служилых дворян или феодальные сословия, поскольку для приемной политической семьи характерны приведенные ниже свойства.**

- **У нее отсутствует какая-либо корпоративная организация, отдельные должности, расположенные в иерархическом порядке по отношению к верховному патрону и корпоративное самосознание.** Хотя неформальные личные связи чрезвычайно важны в обоих типах правящих элит, в феодализме они включены в «формализованную иерархическую систему отношений»⁶ и в принципе возможны благодаря ей. Приемная политическая семья же — это неформальная организация, в которой формальная иерархия членов второстепенна по отношению к неформальной. Таким образом, у приемной политической семьи нет формальной структуры членства, и поэтому она не может принимать форму корпоративной организации или ранговой иерархии должностей по отношению к верховному патрону;

- **С юридической точки зрения, клиент не является вассалом, но его социальное положение ничем не отличается от вассалитета.** В то время как вассал в феодальную эпоху имел право владеть имуществом на основании своего статуса, сеньор также мог правомерно отобрать у него это имущество. Внутри феодальной системы такое действие считалось легитимным, поэтому юридическое и социальное положения вассала совпадали. Однако, и это следует из предыдущего пункта, в патронально-клиентарных отношениях слепое подчинение клиентов патронам носит неформальный характер, хотя и подкрепляется инструментами публичной власти приемной политической семьи. Таким образом, социальное положение с помощью юридических норм закрепляется за всеми без исключения вассалами, в то время как в патрональ-

ных автократиях у клиентов и патронов равные права;

- **С верховным патроном невозможны «договорные» отношения.** Феодальные сословия имели в некотором роде легитимные договорные отношения со своим хозяином (монархом), подразумевающие права и обязанности, которые ограничивали как знать, так и самого монарха. В противоположность этому у приемной политической семьи нет формальной организации и набора обязательных правил, а главный патрон, будучи патриархальным главой семьи, полностью контролирует позиции в однопиримидальной сети. Как показывает судьба одного из императоров России Павла I, совсем не так обстояли дела в феодальную эпоху, когда вассалы были готовы отстаивать свои законные права;

- **Власть осуществляется незаконным образом, что подразумевает систематическую компрометацию, которая создает дополнительные поводы для повинения членов сети верховному патрону.** Исследователи, которые проводят аналогию между приемной политической семьей и феодализмом, игнорируя при этом неформальный характер первой, уверены в том, что это позволяет им выделить центральный элемент обоих режимов (т. е. патронально-клиентарные отношения). Однако они упускают другой важный аспект, который определяет динамику правящей элиты. Причина, по которой верховный патрон в отличие от короля с его формально ограниченной властью контролирует все позиции в сети, заключается в том, что это позволяет ему шантажировать клиентов, угрожая преследованием за совершенные преступления⁷. Эти преступления, равно как и способность главного патрона угрожать своим клиентам, имеют место именно потому, что (1) функционирование неформальных сетей не согласуется с формальным правом, что с неизбежностью приводит к постоянным нарушениям закона; (2) клиенты обязаны принимать участие в незаконной деятельности криминального государства и могут быть приняты в семью, только если главный патрон прежде всего способен контролировать их с помощью шантажа (они могут участвовать в преступной деятельности

с целью быть принятыми в семью или уже совершить преступление, которое дает им право быть принятыми); (3) верховный патрон обладает властью над правоохранительными органами, что означает, что именно он решает, какие преступления будут преследоваться, а какие нет (политически выборочное правоприменение). Следовательно, системная компрометация, проистекающая из самой природы режима, является ресурсом («кнутом»), который верховный патрон использует, чтобы дисциплинировать своих клиентов.

ПОЧЕМУ ПРИЕМНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НОМЕНКЛАТУРОЙ

Наконец, следует обратить внимание на попытки сравнить приемную политическую семью с **номенклатурой**. Эти группы акторов часто уподобляются, потому что во многих посткоммунистических режимах члены старой номенклатуры пережили смену режима и сумели сохранить свою формальную и неформальную власть как в исполнительной, так и в законодательной ветвях⁸. Однако если мы возьмем для сравнения классический анализ номенклатуры Михаила Восленского, то увидим существенные различия между коммунистической и посткоммунистической правящими элитами. Патрональная сеть в посткоммунистической однопиримидальной системе **не похожа на номенклатуру, потому что приемная политическая семья** обладает следующими свойствами:

- **Она распространяет сеть политического и бюрократического управления за пределы своих формальных институтов.** Одна из главных особенностей приемной политической семьи состоит в том, что в нее входят люди, занимающие официальные позиции как в государственном секторе (формально: политики, министры и т. д.), так и частном (формально: предприниматели, пропагандисты и т. д.). В свою очередь в номенклатуру входили люди, состоящие в партии и представляющие бюрократический аппарат государства;

- **В ее состав входят люди, которые могут иметь не одну формальную позицию, но несколь-**

ко одновременно. Как мы упоминали в предыдущем пункте, члены номенклатуры могли иметь только одну формальную позицию, поскольку именно эта позиция определяла и ограничивала их власть в рамках бюрократической патрональной сети. В то же время член приемной политической семьи может занимать различные формальные позиции (как публичные, так и частные), имея при этом только одну позицию в неформальной патрональной сети, которая и определяет границы его власти;

- Она, как правило, принимает в свои ряды не отдельных индивидов, а семью кровных родственников или приемных членов. В рамках номенклатуры на определенные должности назначались отдельные индивиды. Члены их семей пользовались некоторыми формальными и неформальными привилегиями благодаря nepoтизму, но их влияние и доступ к привилегиям были сильно ограничены, если они не являлись официальными членами номенклатуры⁹. Напротив, приемная политическая семья принимает в свой состав семьи (состоящие из кровных родственников или приемных членов) через формирование с одним из ее членов родственных или квазиродственных отношений, скрепляемых общим бизнесом;

- Она обладает привилегиями, которые обеспечивают ей не только дополнительный доход и высокий уровень жизни, но и собственность. Поскольку частная собственность в коммунистических режимах допускалась в лучшем случае лишь в ограниченном виде, члены номенклатуры могли пользоваться привилегиями только в смысле более высоких доходов или дополнительных сфер потребления, например через использование государственных объектов (автомобилей, недвижимости, курортов и т. д.). Соответственно, отдельные члены номенклатуры не могли накапливать состояние в виде материальных благ или финансов. Но поскольку приемная политическая семья управляет патрональной автократией, которая служит фасадом для хищнического государства, ее члены могут накапливать богатство как в денежном выражении, так и в виде собственности, компаний, земли, концессий и т. д.¹⁰

УНИКАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПРИЕМНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕМЬИ

Суммируя тезисы, приведенные выше, **неформальную патрональную сеть в посткоммунистических режимах можно назвать приемной политической семьей по следующим причинам:**

- различные расширенные сети личных связей организованы в единую сеть приемной политической семьи;
- в нее включены не только отдельные индивиды, но и целые семьи;
- это образование остается неформальным и не имеет официального членства;
- оно распространяется на формальные институты;
- приемная политическая семья основана на патрональной, а не на организационной лояльности (возможности свободного входа или выхода не существует);
- статус внутри приемной политической семьи не обязательно соответствует официальной административной позиции ее членов;
- внутрисемейная власть основана на слиянии политических и экономических «ресурсов»;
- внутрисемейное управление организовано в соответствии с культурной моделью патриархальной семьи (т. е. патриархальным господством).

Показательным примером функционирования и развития приемной политической семьи является исследование Михаила Минакова, посвященное украинским «кланам», которые эволюционировали от мелких тесно связанных сетей до «хитроумных многоуровневых организаций» на государственном уровне¹¹. Ниже мы приводим довольно пространную цитату из его исследования, чтобы продемонстрировать, как сферы социального действия полностью смешиваются внутри сложной неформальной структуры приемных политических семей: «На начальной стадии, кланы сплотились вокруг ключевой фигуры “полигарха” (одного или нескольких), которые требова-

ли от всех членов этого клана или группы кланов полной лояльности. Эти фигуры были окружены олигархами ближнего круга, а также “приемными” и “покорившимися” олигархами, контролирующими основные заводы, банки и другие экономические объекты. Следующий круг (состоящий из подставных лиц и политических партнеров) включал в себя лидеров зависимых политических партий, глав исполнительных, законодательных и судебных институтов, а также глав формально государственных корпораций и медиахолдингов. Отдельную группу союзников представляло “силовое крыло”, состоящее из преступных групп и зависимых работников спецслужб и полиции. Эта структура оказалась достаточно прочной, чтобы преуспеть во время приватизации, пережить эпоху бандитских разборок, и успешно осуществлять (или отражать) корпоративные рейдерские атаки. [...] В 2000-2002 годах главные кланы начали постепенно выходить в публичное политическое и экономическое поле. Экономические ресурсы и объекты, законно принадлежавшие олигархам и близким к ним олигархам, были также выведены из тени; в результате этого процесса была создана самая крупная украинская корпорация 2000-2014 годов. То же самое происходило с политическими активами и клиентарными сетями. Маленькие партии сливались в более крупные и более долговечные организации, такие как, например, “Партия регионов” или “Батькивщина”, возглавляемая Юлией Тимошенко. Клиентарные сети управлялись в основном через вновь появившиеся благотворительные фонды»¹².

Можно заметить, что приемная политическая семья включает в себя большое количество акторов, характерных для патрональных автократий, — от олигархов и полигархов до подставных лиц и партий патрона. Образованная ими неформальная сеть и является тем, что мы называем приемной политической семьей, воплощающей в лучшем виде полное слияние политической, экономической и общественной сфер социального действия.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ПРИЕМНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕМЬИ

Термин «приемная политическая семья» выделяет три характерные особенности неформальных патрональных сетей:

- «**приемная**» указывает на структуру сети в целом и на тип связей (родственных и квазиродственных), возникающих внутри этой структуры в частности;

- «**политическая**» указывает на функцию элиты внутри политического образования, в частности на то, что члены элиты стремятся заполучить политические посты и право на (государственное) принуждение, распространяющееся на все сферы социального действия;

- «**семья**» указывает на культурные особенности внутрисетевого взаимодействия, позитивные у патриархальной семьи: например, патриархальное господство со стороны верховного патрона;

До этого момента мы в основном обращали внимание на второе слово — «политическая» — и представляли приемную политическую семью как идеальный тип правящей элиты в патрональных автократиях. Что касается двух других слов, включенных в это понятие, то они описывают антропологические характеристики правящей элиты с точки зрения типа связей («приемная») и субординации («семья»). Ниже мы раскрываем эти характеристики по порядку.

ТИП СВЯЗЕЙ: ТИПОЛОГИЯ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ КЛАНОВ

Если рассматривать только антропологическую составляющую, характеризующую тип связей, возникающих внутри правящей элиты, то многомерное понятие «приемная политическая семья» можно заменить на короткое и емкое слово «**клан**» точно так же, как патрональную автократию можно назвать «клановым государством» или «мафиозным государством», когда главным аспектом

анализа является природа правящей элиты. Выше мы определяли кланы следующим образом:

- **Клан** — это неформальная патрональная сеть, характеризующаяся родственными или квазиродственными связями.

В доиндустриальном обществе кланы, как и династии при феодализме, были организованы по принципу родословного дерева, но также они принимали в свои ряды людей со стороны по мере того, как расширялись через новые личные, семейные связи. В посткоммунистических кланах к родственным отношениям добавились также квазиродственные, через которые патрональная сеть (или ядро ее основателей) обрастает дополнительными семьями, не связанными узами родства с другими членами клана.

Кланы посткоммунистического региона отличаются от других в основном по своему происхождению, то есть по типу социальной группы, составляющей ядро патрональной сети, или по набору ценностей, на которых клан был основан. В соответствии с этим ниже мы приводим типологию кланов. К какому типу клана тяготеет правящая элита в отдельных посткоммунистических странах, зависит от **довольно случайных, личных факторов**.

Например, хотя в **посткоммунистических режимах Центральной Азии** именно высшее руководство коммунистической партии и служб безопасности сформировало патрональные сети, эти постсоветские республики имеют признаки сильной этнической разобщенности. Традиционные кланы, как правило, объединяются в племена, и порой племена образуют племенные союзы, которые в Казахстане называются словом «жуз» (*zhuz*). Верховный патрон иногда балансирует между несколькими подобными крупными этническими кланами, вовлекая их в функционирование режима и тем самым предотвращая появление клановой оппозиции¹³. На территории других государств кланы могут формировать шесть-семь региональных групп, а одна или две наиболее сильные из них начинают монополизировать имеющиеся позиции (Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). В других случаях множество независимых, конкурирующих на политической арене племен заставляют

политическую систему прибегать к механизму парламентских обсуждений (Кыргызстан)¹⁴.

Номенклатурные кланы особенно часто формировались там, где до смены режима различные службы безопасности и военные структуры играли наиболее важную роль из-за более жесткого характера их иерархических цепочек (например, Азербайджан)¹⁵. Но даже в таких случаях не везде номенклатура превращалась в клан. Действительно, на территории советской Центральной Азии высшее руководство коммунистической партии и служб безопасности сразу же сформировало неформальные патрональные сети, однако если мы начнем двигаться через православный регион в сторону западно-христианского, то увидим, что по мере продвижения все меньший процент членов номенклатуры становился членами посткоммунистической правящей элиты¹⁶.

В **Украине** кланы, отличаясь своеобразным региональным характером, породили днепропетровскую и донецкую региональные группировки, которые включают множество малых и больших кланов и имеют в своем составе несколько важных для украинской политической жизни фигур и партий. Эти в значительной степени этнические кланы¹⁷, сначала входившие в номенклатуру, а затем продолжившие свое существование в посткоммунистическую эпоху, «также были связаны с организованной преступностью. Формирование украинских кланов происходило в эпоху постсоветской “криминальной революции”. Некоторые из лидеров этой “революции” оказались впоследствии полигархами и олигархами (включая дважды судимого Виктора Януковича и Рината Ахметова, который, как считается, с 1995 года возглавлял преступные группировки в Донецке). Другие остались на уровне поставщиков охранных услуг и глав группировок, осуществляющих рейдерские захваты. Криминальное подполье было одним из важнейших источников кадров для украинских кланов»¹⁸. Таким образом, в случае Украины можно говорить о наличии не только этнических, но и криминальных кланов.

Где-то между идеальными типами номенклатурного и братского клана находится приемная

политическая семья Владимира Путина в **России**. Центр принятия решений приемной политической семьи базируется на тех связях, которые сложились (1) на нижних уровнях бывшей номенклатуры, состоящей из партийных функционеров и сотрудников службы безопасности, и (2) между людьми, родившимися в Ленинграде и закончившими Ленинградский университет (как и сам Путин). Строго ограниченный круг людей и географическая привязка дают основания называть его «питерским кланом»¹⁹. Несколько бывших членов номенклатуры заняли позиции в патрональной бюрократии, которая в результате стала важной частью путинской приемной политической семьи. Как мы объясняем ниже, членство в путинском клане со временем изменилось, а он сам часто рассматривается в качестве «арбитра» между различными фракциями приемной политической семьи²⁰. Тем не менее неясно, действительно ли он разрешает их споры или же просто позволяет субпатронам бороться друг с другом на более низких уровнях патрональной пирамиды. Однако решающим моментом здесь является то, что роль простого арбитра — это нестабильная позиция по отношению к почти равным членам семьи и не описывает положение Путина. В действительности, он распоряжается семьей и как верховный патрон может защищать или наказывать ее членов по своему усмотрению.

Наконец, наблюдать «взлет» братского клана можно в **Венгрии** на примере бывшей либеральной партии «Фидес». Эта партия была первоначально основана как молодежная организация, которая превратилась непосредственно в патрональную сеть, базирующуюся на студенческой дружбе и университетском братстве²¹. Трансформация партии и ее последующая победа на выборах 2010 года, где она смогла добиться большинства в две трети голосов, привели к тому, что Виктор Орбан и его окружение приобрели неограниченную политическую власть. Это позволило им ликвидировать индивидуальные и институциональные автономии, а также систему сдержек и противовесов парламентского устройства и объединить членов общества в однопиримидальную патрональную систему, где доминирует сеть Орбана. Конечно, это

было сделано не на основе бывшей номенклатуры коммунистической партии и службы безопасности, однако «покорившиеся» члены номенклатуры были приняты в приемную политическую семью, а аппарат спецслужб был «приручен» для выполнения ее целей.

ПОДЧИНЕННЫЙ СТРОЙ: РОЛЬ ОТЦА СЕМЕЙСТВА

Культурные паттерны главы приемной политической семьи и характеристики его правления сильно отличаются от паттернов коммунистического диктатора. Первый редко демонстрирует свою власть, возглавляя парады или съезды партии, а ее проявления носят черты, свойственные отношениям внутри патриархальной семьи. Если рассмотреть роль главы приемной политической семьи в исторической перспективе, то ее истоки можно найти в архаичном патриархе, за которым следуют римский отец семейства (*pater familias*) и верховный патрон в патрональных автократиях. То, что объединяет эти роли, проще всего объяснить на примере **римского pater familias**. Римская семья как община, подчиненная изначально неограниченной власти отца семейства, располагала значительной автономией по отношению к государству. «Действие публичного права (*ius publicum*), а также власть магистратов в определенном смысле оканчивались на границе частных земельных владений, на пороге частных домов, за которыми начиналось действие норм частного права (*ius privatum*), предусматривавшего абсолютную власть главы семейства»²². Эта **власть распространялась на все сферы жизни, людей, имущество и деятельность семьи**. «Сущностью семьи считалась совокупность лиц, подчинявшихся власти одного и того же главы семейства»²³, начиная с его жены и детей, кровных и приемных, а также других живущих с ними родственников, и заканчивая разного рода зависимыми людьми и слугами. Показательно, что русское слово *семья*, происходит от древнерусского *сьмита*, что означает «челядь», «домочадцы»²⁴. В исторической перспективе можно наблюдать процесс постепенной эмансипации лиц различного статуса, при-

надлежащих к домочадцам патриархального отца семейства и подчиненных ему, то есть их освобождения от неограниченной личной и имущественной зависимости. За долгие века этого процесса мы, например, только в наши дни пришли к запрету семейного насилия.

В свою очередь, в патрональных автократиях, **патриархальный глава приемной политической семьи** нелегитимным и незаконным образом **на национальном уровне распространяет свою власть** над людьми, имуществом и деятельностью семьи на юридически совершенно независимых от него граждан и их семьи, пользуясь при этом государственной монополией на применение насилия. Для него семья, дом, имение и страна принадлежат к одному культурному паттерну. Хотя формально он **«управляет»** страной, его деятельность **нельзя описать** этим глаголом, так же, как и **деятельность отца семейства в рамках своей семьи**. В действительности, **он, скорее, распоряжается людьми**, их имуществом и статусом. Соответственно, глагол «распоряжаться» более точно описывает управленческую деятельность верховного патрона во всех сферах социального действия.

НЕЛОЯЛЬНОСТЬ И АМОРАЛЬНАЯ СЕМЕЙСТВЕННОСТЬ

Поскольку патрональные автократии также являются мафиозными государствами, для верховного патрона, то есть крестного отца, **самым страшным грехом приемной политической семьи**, за которым всегда следует месть, является **нелояльность**. Лояльность — это важное условие как для принятия в семью, так и для получения доли ее доходов²⁵. Актеры, желающие покинуть систему или вступить с ней в конфронтацию, могут быть наказаны за такие проступки и такими средствами, которые в либеральных демократиях сложно было бы себе представить. Из-за затрудненной деятельности институтов по поддержке демократии или их полной ликвидации, а также в силу создания патронально-клиентарной системы дискреционные инструменты, не доступные при условии, что си-

стема сдержек и противовесов работает исправно, а полномочия разделены, становятся доступными и используются, чтобы обеспечивать молчание и повиновение. Эти инструменты работают на самом глубинном уровне, их использование вызывает всеобъемлющие и долгосрочные последствия. А, как нам известно из криминологии, жертвы, сталкивающиеся с экзистенциальной угрозой, обычно молчат, потому что если заговорят, это лишь навлечет на них неприятности.

Именно поэтому невозможно покинуть систему мирно и по собственной воле. Глава политической семьи либо исключает из нее принятого ранее члена, либо преследует его в случае его отступничества. Независимо от того, был ли он президентом республики, назначенным на эту должность политической семьей, министром или членом парламента, он знает, какие последствия его ожидают в случае ухода или протеста. Эти последствия предполагают не просто потерю некоторых преимуществ, но и возможность полной потери средств к существованию. Отступничество влечет за собой не только «право стрелять», что означает, что другие члены семьи могут действовать в ущерб отступнику и использовать против него политические и экономические средства, но и «обязанность стрелять».

С другой стороны, **когда нелояльность считается грехом, члены политической семьи, совершившие какой-либо проступок**, будь то преступление против закона или нравственности, **в патрональных автократиях могут избежать наказания**. Имело ли место злоупотребление государственными должностями в личных целях, подделка официальных документов или домашнее насилие, не имеет значения, по крайней мере до тех пор, пока эти преступления не выходят за пределы того, на что был уполномочен актер²⁶. Если общественность активно выступает против преступника или если на преступление следует исключительно серьезная реакция международного сообщества, то совершивший его может быть принесен в жертву. И все же эти люди могут быть уверены в одном: **верховный патрон всегда будет их поддерживать, обеспечивая их непри-**

косновенность и безнаказанность. В крайнем случае по аналогии с программами защиты свидетелей политическая семья даст им возможность начать свою жизнь заново в другом месте, удалив их от взоров общественности. Однако это возможно только в том случае, если человек лоялен. В этом и заключается сила режима: он не сдает «врагам» своих людей. Для тех, кто осознает все потенциальные потери, которые можно понести, выбрав противоборство, а также все защитные преимущества послушания, конфронтация не только становится почти невозможной, но и теряет всякий смысл.

Термин **«аморальная семейственность»** (amoral familism) Эдуарда К. Банфилда, описывающий пропитанные мафиозными обычаями отношения в среде бедного населения Южной Италии, может быть также использован для описания правил поведения приемной политической семьи и мафиозного государства²⁷. Аморальная семейственность в патрональных автократиях вытекает из внутренней культуры кланов и означает отсутствие какой-либо ответственности и солидарности в отношении тех, кто не принадлежит к приемной семье. Кроме того, аморальная семейственность часто приводит к манихейскому мировоззрению, которое делит мир на «нас» и «их» в целях защиты сети от посторонних людей, чьи интересы находятся под угрозой или нарушаются мафиозным государством.

БАЛИНТ МАДЬЯР (р.1952 г.) — доктор политэкономии, старший научный сотрудник Института демократии Центрально-Европейского университета, один из основателей Венгерской либеральной партии (SZDSZ, 1988), член парламента (1990-2010) и министр образования Венгрии (1996-1998, 2002-2006).

БАЛИНТ МАДЛОВИЧ (р. 1993) — политолог, экономист, социолог. Написал главу для одной из книг, вышедших под редакцией Балинта Мадьяра о Венгрии как посткоммунистическом мафиозном государстве, и с 2015 года является его постоянным соавтором.

Примечания

- Hale, *Patronal Politics*, 9–10.
- Pakulski and Waters, “The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society,” 670.
- Ledeneva, *Can Russia Modernise?*, 95.
- Hosking, “Patronage and the Russian State,” 305.
- Шляпентох и Вудс, *Современная Россия как феодальное общество*.
- Hosking, “Patronage and the Russian State,” 302.
- Lansky and Myles-Primakoff “Power and Plunder in Putin’s Russia,” 78–80.
- Анализ посткоммунистических режимов на основе этого предположения см. у Frydman, Murphy, and Rapaczynski, *Capitalism with a Comrade’s Face*.
- White et al., “Interviewing the Soviet Elite.”
- Petrov, “Putin’s Neo-Nomenklatura System and Its Evolution,” 183.
- Minakov, “Republic of Clans,” 238.
- Minakov, 238.
- Collins, *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*, 50.
- По материалам интервью, которое один из авторов этой книги взял у к.полит.н. Досыма Сатпаева (директора консалтинговой неправительственной организации «Группа оценки рисков», Алматы, Казахстан).
- Ср. Hale, *Patronal Politics*, 149–53.
- Szelényi and Szelényi, “Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe.”
- Way, *Pluralism by Default*.
- Minakov, “Republic of Clans,” 238.
- Kryshchanovskaya and White, “Inside the Putin Court.”
- Staun, “Siloviki versus Liberal-Technocrats.”
- Мадьяр, *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства*, 51–56.
- Földi, “A Római Család Jogi Rendje [Правовой порядок римской семьи].”
- Földi.
- “Семья.”
- Ledeneva, *Can Russia Modernise?*, 39.
- Baez-Camargo and Ledeneva, “Where Does Informality Stop and Corruption Begin?,” 57.
- Banfield, *Moral Basis of a Backward Society*.

© Текст: Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович
© Перевод: Ю. Игнатьева